

ПЕРВАЯ КНИГА О СТАРООБРЯДЦАХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА*

Вот уже двести с лишним лет в России живет довольно значительная по численности этнографическая группа старообрядцев. По своей сути старообрядцы — это раскольники, боровшиеся с православной верой, которая якобы «была испорчена» во времена патриарха Никона, правившего церковью в 1652 — 1680 гг. Как известно, в 1654 г. Никон созвал русских архиереев на Собор, и они признали необходимым исправление богослужебных книг и обрядов. Враги патриарха — епископ Павел, протопоп Аввакум, диакон Никита, боярыня Морозова и другие распространяли среди народа молву, что Никон «не правит, портит веру». С тех пор и начались гонения на этих людей, а также на всех, присоединившихся к ним.

Во главе раскола более века находились священники и монахи, недовольные исправлением богослужебных книг и обрядов. Они и исполняли, как умели, для раскольников церковные требы. С течением времени, после смерти первых руководителей раскола, у старообрядцев возник вопрос: кто же теперь будет у них править церковную службу? При решении его раскольники разделились: одни продолжали сманивать к себе священников из православной церкви, другие же решили, что можно обойтись без священников, предоставив исправление треб мирянам («большакам» и даже женщинам). Так возникли два главные раскольнические толка — «поповщина» и «беспоповщина».

Старообрядцы (староверы) Дальнего Востока пока еще почти не исследованы никем в этнографической литературе. И этому есть все основания — в советские годы такая тематика не только не поощрялась, но и не разрешалась.

Основные причины переселения конфессиональных групп русских крестьян на Дальний Восток — преследование со стороны властей и господствовавшей православной церкви. За почти полувековой период (середина XIX — начало XX в.) на юг Дальнего Востока, в Амурскую и Приморскую области потянулись безземельные и малоземельные старообрядческие семьи.

До сих пор о быте и культуре этнографической группы старообрядцев можно было узнать по небольшим статьям и очеркам дальневосточных исследователей. Однако не было еще книг по этим проблемам. И вот, наконец, такая работа появилась. Ю.В. Аргудьева, собрав за много лет огромный материал по старообрядческому населению, написала и издала в Москве монографию «Старообрядцы на Дальнем Востоке России» (365 с., или 24,5 п.л.). В этой солидной книге использованы материалы многочисленных экспедиционных исследований автора и его архивных изысканий.

Рассматривая старообрядцев как хранителей исконно русских традиций, Ю.В. Аргудьева подчеркивает особую актуальность этой проблемы сегодня, когда российское общество находится на переломном этапе своего развития. Как удавалось старообрядцам такое длительное время сохранять и развивать национальные традиции, можно выявить только в регионах, сохранивших культуру старообрядчества. К ним относится и Дальний Восток.

В интересной и живо написанной монографии содержатся четыре основные главы, позволяющие логически рассмотреть практически все сюжеты из жизни и быта этой сложной и малоисследованной этнографической группы крестьянского населения юга Дальнего Востока.

В главе первой «История формирования старообрядцев на юге Дальнего Востока России» (С. 17—101) раскрываются исторические особенности формирования старо-

* Ю.В. Аргудьева. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. 365 с.

обрядческих общин в Приамурье и Приморье. Они исследуются в разные периоды этнической истории в процессе как внешних, так и внутренних миграций. Автору удалось показать целую сеть основных старообрядческих поселений в разных районах освоения Дальнего Востока.

Целиком в этнографическом аспекте написана глава вторая «Хозяйственная деятельность и материальная культура старообрядцев» (С. 102—190). Здесь мы можем узнать, каковы были основные занятия крестьянского населения, познакомиться с особенностями его жилища, одежды, пищи. Интересно, что землю старообрядцы обрабатывали орудиями, изготовленными в домашних условиях (деревянные вилы, грабли, сохи, бороны) и покупными (плугами, жатками, молотилками, сенокосилками). В домашних условиях они изготавливали сливочное и растительное масло, муку и крупу, шерсть для вязания, льняные и шерстяные ткани, занимались пчеловодством, таежными промыслами. Успехам в этих делах способствовали сохранившиеся до 20-х годов XX в. общинные традиции трудовой взаимопомощи и совместного землепользования. Автор особое внимание обращает на стойкое сохранение традиций старинной русской культуры в строительстве жилищ, в пошиве одежды, в приготовлении пищи, подчеркивая при этом особенности развития культуры быта в условиях дальневосточного региона.

Довольно интересно написана глава «Семья и брак» (С. 191—262). В ней автором рассматриваются особенности образования семьи и прочных семейно-брачных отношений и сама практика заключения браков в условиях сложной демографической ситуации в регионе. Недостаток женского населения стал особенно ощутимым с началом массовых морских перевозок переселенцев из Одессы во Владивосток в 80—90-е годы XIX в., когда в новый край старались переселить прежде всего крепких, способных поднять нетронутые земли мужчин. Однако известно, что крестьянин мог завести самостоятельное хозяйство, только имея жену. Путем опроса многочисленных информаторов Ю.А. Аргудяева показывает особенности внутрисемейных отношений, домашний уклад, досуг в семье старообрядца.

Замкнутость старообрядческих общин и бытование неразделенных семей способствовали сохранению патриархальных нравов, которые еще довольно сильно проявлялись вплоть до конца 20-х годов XX в. Возглавлял такую семью «большак» — старший по возрасту и положению в семье мужчина. Это был либо отец семейства, либо старший брат. По традиции он имел право распоряжаться трудом всех взрослых членов семьи, семейными деньгами, но особенно власть «большака» проявлялась при семейных разделах. Поэтому сыновья во всем слушались отца, боясь лишиться своей доли. Но обычно домашними делами в семье распоряжалась «большуха» — жена главы семьи. Именно она распределяла очередность домашних работ между невестками, ведала продуктами, хранила общесемейные деньги, следила за порядком в доме. Нельзя было ничего сделать по хозяйству, не спросив благословения старших, обычно родителей или свекра со свекровью.

Лечились в семье старообрядцев сами, без приглашения врачей или (первоначально) без применения способов китайской медицины. От простуды парились в бочке с травами, от малярии заваривали полынь, деготь пили и им натирались при холере, при ожогах пользовались яичным маслом, при расстройствах желудка — веточками черемухи, раны людей и лошадей лечили маслом, приготовленным из древесины липы.

И, наконец, глава четвертая «Семейная обрядность» (С. 263—314) — это краткий, но запоминающийся рассказ о жизни человека от дня его рождения до кончины. В обрядах и обычаях старообрядческой семьи прослеживается вера в Бога. С этой верой в Бога семья строила свою жизнь всюду и везде, с этой верой старообрядцы смело шли даже на мученическую смерть, особенно в 30-е годы XX в. Ю.В. Аргудяева останавливается на описании родильных обрядов, свадебного обряда (рассказ о способах выбора невесты, об особенностях сватовства с «договором», «пропоем», «девишником», с описанием особенностей самой свадьбы с ее пиром и послесвадебным периодом).

Книга написана при содействии многих десятков информаторов, и приходится только пожалеть, что автор не дает их списка. Зато в конце издания приводится мартиролог, состоящий из имен десятков крестьян, приговоренных к расстрелу под видом борьбы властей с «повстанцами».

В книге много иллюстраций, показывающих жизнь и быт старообрядческого населения южной части Дальнего Востока России.

В кратком «Заключении» (С. 315—318) автор пишет о том, что сегодня полную свободу религиозной жизни получили практически все группы старообрядцев. Во многих моленных домах в Приамурье и Приморье религиозная жизнь дальневосточных старообрядцев «входит в свое русло». Но это не совсем так. Даже большая православная группа Русской православной церкви (зарубежной) если прямо не преследуется, то все-таки находится в загоне. Но при этом Ю.В. Аргудяева справедливо отмечает, что сегодня наступила пора осмыслить сложный путь староверия, его роль в развитии хозяйственно-культурных традиций русского этноса. Верна и мысль о том, что современные исследователи получили возможность показать результаты репрессивной политики советского государства по отношению к старообрядцам, влияние средств массовой информации на их образ жизни, структуру религиозных организаций на данном этапе (С. 317).

Автор справедливо видит также перспективы дальнейшего изучения старообрядчества как феномена древнерусской традиционной культуры, получившей широкое распространение и в России, и за рубежом.

Конечно, рецензируемая монография Ю.В. Аргудяевой — это первая «ласточка», повествующая о сложных проблемах жизни и быта, истории и культуры старообрядчества. Теперь в дальнейшем исследовании нуждаются такие аспекты этой проблемы, как сельская и конфессиональная общины, материальная и духовная культура, в том числе вопросы духовно-религиозной жизни, книжной культуры, русской словесности...

Работа Юлии Викторовны Аргудяевой должна рассматриваться как успех ученого, поднявшего одну из сложнейших этнографических проблем — описание культуры и быта дальневосточных старообрядцев.

Н. В. КОЧЕШКОВ, доктор исторических наук, профессор